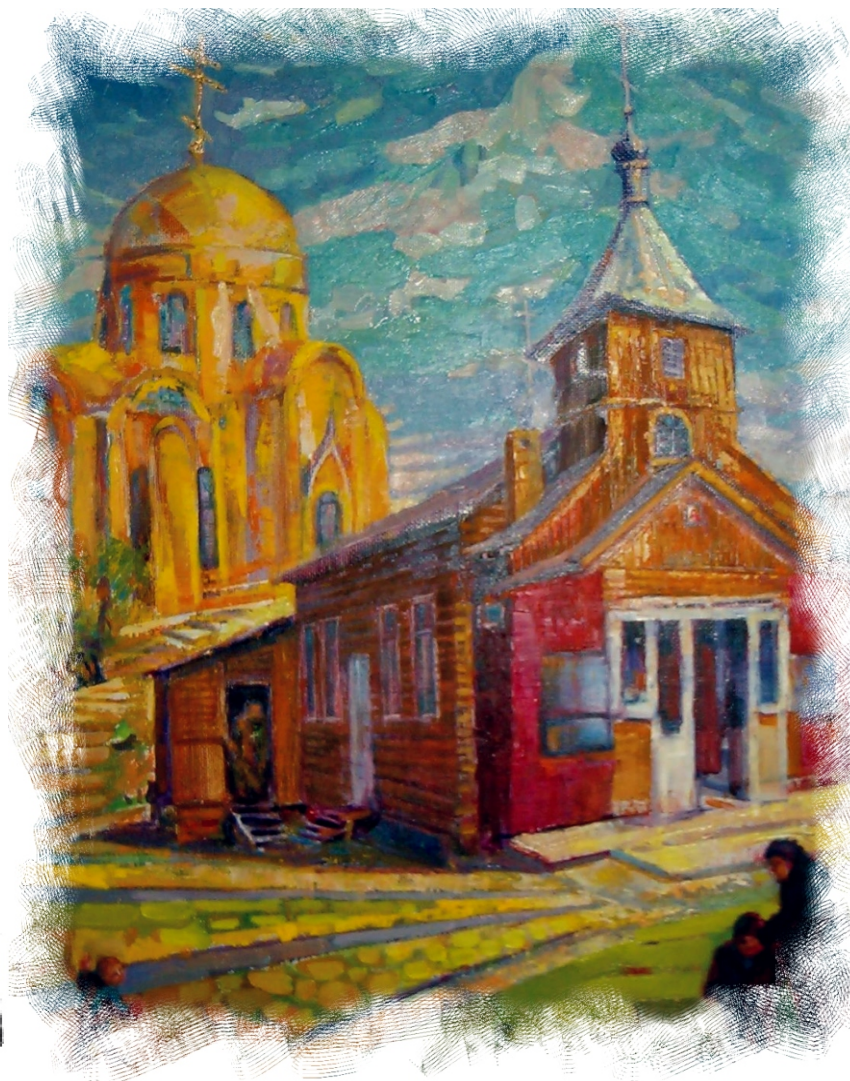


Наш Храм

ЕЖЕМЕСЯЧНАЯ ГАЗЕТА
ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДА
В ЧЕСТЬ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
"ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ" г. БРЕСТА

№ 2 (февраль 2011г.)



ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Благозестие на словах

Служитель

Реализм Библии

Милосердие

Я хуже Всех



Благочестие на словах

Когда человек приходит к вере, он нередко начинает говорить особыми «церковными» фразами: вместо «спасибо» - «спаси Господи», чуть что - «Господи, помилуй» (очень часто совсем не к месту, получается не молитва, а что-то вроде междометия); когда рассержен - шипит: «искушение»; на вопрос «как дела?» - «Вашими молитвами»; а когда ты ешь - желают «ангела за трапезой». Помогают ли благочестивые слова настоящему благочестию? Как церковную лексику совмещать с обыденной жизнью? Можно ли избежать здесь лицемерия?

Если любого из нас позовут на дипломатический прием, в первую очередь мы посмотрим, как ведут себя другие люди, и постараемся вести себя точно так же. Это естественно: когда человек попадает в новое



сообщество, в крут людей, в который раньше он был не вхож, он не хочет выделяться и старается усвоить принятые в этом сообществе правила поведения. В том числе и в церковном сообществе. Оказавшись в церковной среде, странно не удлинить хоть чуть-чуть юбку, не убавить количество косметики на лице, не понять, что «привет, старику» - не самая подходящая форма приветствия новых церковных знакомых.

Но за такими высокими словами должно быть содержание. Иначе эти слова превращаются в междометия, как превратилось имя Божие в слове «спасибо». Плохо не то, что человек изначально стилизуется, но что он потом этим удовлетворяется. Стилизоваться легче, чем жить, и то, что на начальной стадии является для христианина ступенькой вверх, может превратиться в ступеньку вниз. Это относится не только к нашей речи, но вообще к формализации церковной жизни. Когда за внешним будет внутренний смысл, церковная речь не вызовет раздражения у

окружающих, не смутит их. А когда за словами нет ничего, кроме стилизации, люди чувствуют фальшь, потому и реагируют отрицательно. Религиозное лицемерие во всех его видах - худший вид лицемерия.

Не менее фальшиво раздвоение личности, когда человек меняет речь для церковной среды, а в профессиональной или учебной среде ведет себя по-прежнему. В советское время верующие люди не говорили вычурно, напоказ, не противопоставляли себя миру, но никто из них не употреблял матерных слов, не упоминал лукавого - и это их отличало. И еще они стремились не упоминать имя Божие всуе. К сожалению, сегодня многие православные относятся к этому «спокойнее». А чтобы понять, показушный наш новый стиль или естественный, надо сравнить свое поведение в храме и в мире. Если в проповеди я говорю одно, а на улице меня толкнули, и я перехожу на другой лексикон, значит, что-то в моей духовной жизни не так.

В одной книге о святителе Афанасии (Сахарове) и других подвижниках благочестия XX века, есть эпизод, прекрасно иллюстрирующий правильное употребление известного пожелания «ангела за трапезой». У этой фразы есть продолжение-ответ: «Невидимо предстоит». С этими словами мы должны встать и поклониться ангелу, который невидимо предстоит перед нашей трапезой. То есть это не просто церковный синоним «приятного аппетита». Прежде чем пожелать кому-то ангела за трапезой, надо подумать, готов ли человек принять эту фразу всерьез? И готовы ли мы сами?

Если мы говорим «искушение», осознавая, что Господь попускает нам испытание, и вместе со словами пытаемся изменить свое поведение, это хорошо. Но произносить «искушение» вместо «черт побери» абсолютно неуместно.

Если наше поведение становится вызывающим, привлекает излишнее внимание, значит, что-то не так. Иногда хочется сказать церковному человеку нечто большее, чем привычное для всех «спасибо», и мы говорим: «Спаси, Господи». Но каждый раз акцентировать внимание на этом не стоит, и слово «спасибо» можно употреблять очень часто.

Важно, чтобы человек на пути своего воцерковления не ограничился лишь внешним подражанием, чтобы это не выродилось в маскарад и чтобы он ни в коем случае не начал, как это ни парадоксально, самоутверждаться и даже гордиться своим новым положением «избранного». Главное, чтобы он не осуждал и не презирал тех, кто еще не вкусил радости церковной жизни - таинств, молитвы, поста, чтобы он лелеял в Церкви эту свою внешнюю незаметность и неотличимость от собратьев по вере, ибо именно в этой нашей неприметности порой и посещает нас Господь...

Реализм Библии, церковно-богослужебных книг и аскетических творений.

«Диавол со всех сторон нападает на Церковь. Через отторгшихся от нее людей нападает он и на чистейшее солнечных лучей Слово Божие. Отпавшие обвиняют Библию в безнравственности. Нужно кое-что сказать нам и об этом».

Так начинается один из отделов 3-го тома «Основ искусства святости», написанных в 1928-м году епископом Варнавой (Беляевым) (1887-1963). Это сочинение отличается живой связью с современностью, отвечая на вызовы нашего века через Священное Писание и Предание Церкви утверждением о принципиальной неизблемости православного пути спасения во все времена. «Основы» способствуют выработке у читателя православного миросозерцания, возвращают к реализму святых отцов, помогают в приобретении навыков внутренней духовной культуры. Книга обращена к самому широкому читательскому кругу. Вы можете взять её в нашей приходской библиотеке. Итак...



Епископ Варнава, 1920 год

Язык Библии - язык Древнего Востока, язык образный, и к нему нельзя прилагать наши европейские мерки. Если Библия называет вещи своими именами, то делает это кратко, сжато, в двух словах. Библейский язык не может никого соблазнить.

Наши литературные произведения - плоды творчества развратного человека; Библия говорит о пороках, чтобы исправить людей и дать им надежду на покаяние, наши книжонки смакуют грех сам по себе и видят в нём самодовлеющую ценность. Посему Библия ведет смиренных к раскаянию, гордых к ропоту; романы же писателей приводят лишь к растлению души и тела.

Церковь в своих службах, канонах, стихирах, тропарях, акафистах предлагает вниманию молящегося самый смелый в разбираемом отношении материал. Но посмотрите, как чисто, целомудренно он выражается, в каких непорочных образах преподается. Все дети и девы его распевают, и никому не приходит в голову из-за него краснеть: «Дева рождает, и утроба не истлевет»; «Рождеством девство печатствуется» (глубокий философско-богословский антитетический оборот!); «В Деву же всельшееся Слово, и плоть приемшее, пройде сохранившее нетленну. Егоже бо не пострада нетления, Рождшюю сохрани невреденну»; «Величай, душе моя, по закону плотию обрезавшагося Господа»; «Глаголет нетленная Отроковица ко Архистратигу... не бо познах сласти, браку семь непричастна»; «Сохранив цела знамения, Христе, ключи Девы невредивый в рождестве Твоем»; «Сниде в преисподняя земли, в ложесна Твоя, Чистая, спешший»; «Како не дивимся богомужному рождеству Твоему, Пречестная? Испытания бо мужескаго не приемши, Всенепорочная...»; «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь... ложесна бо Твоя престол сотвори, и чрево Твое пространнее небес содела».

Целые службы посвящены всестороннему прославлению и описанию зачатия человеческого (см., например, службу праздника Зачатия св. Анною Пресвятой Богородицы, 9 декабря). Этот откровенный язык даже необходим в церковно-богослужебных книгах, потому что описывает события, чрез которые мы получили спасение. Как же их не славить?! Церковь устами своих чад, как устами малых детей, не понимающих половых отличий и явлений, на все лады прославляет всё, что относится к нашему спасению. Её радость и благодарность Богу несказанны. Как ребенок - а ведь такими Господь повелел быть всем нам, - она тысячу раз возвращается к одному и тому же вопросу, занимающему её, радуется всякому новому обороту, выражению, слову, как бы играя ими. Всё её занимает, без разделения на постыдное и непостыдное, потому что святая Церковь - Невеста Христова, непорочная и бесстрастная. Любовь её к Божественному Жениху велика и чиста. Всё в Нём её трогает, начиная с рождения Его и кончая смертью.

Посмотрите, какой неизменною любовью горит её сердце в изображении «Песни песней» Соломона! Только человек, совершенно оплотнявшийся, не вкусивший никогда духовного веселия на молитве, может видеть здесь страстную любовь какой-то Суламиты. Стоило ли такой незначительный эпизод из жизни Соломона - сколько у него их было при гареме в тысячу женщин (3 Цар. 11,3)- помещать в канон священных ветхозаветных книг? Нет, духовное веселие и не вмещающаяся в сердце радость Церкви по поводу избавления своего из рук врага-ненавистника (Песн. 5, 7 и след.) искрится в словах Суламиты. Только язык страстной любви мог отчасти дать некоторое представление страстным людям о том великом божественном пламени, которое в истинно христианской душе переливается тысячью огнями нетленного вождения к Своему Спасителю.

Для настоящего христианства, для Церкви всегда дороги как душа, так и тело. И как душа должна быть свята

и непорочна у верующего во Христа, так и тело. И как в душе нет ни малейшей части постыдной, так и в теле. “Не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас? Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог,” - писал святой апостол Павел к Коринфянам (1 Кор. 3, 16-17; см. также 6, 19).

Особенно сильно и доказательно, красочно и благоговейно, непорочно и возвышенно говорит о чистоте, красоте и достоинстве обожженной плоти человека дивный созерцатель тайн Божиих, св. Симеон Новый Богослов: «Мы делаемся членами Христовыми, а Христос нашими членами. И рука у меня несчастнейшего и нога моя - Христос. Я же жалкий - и рука Христова и нога Христова. Я двигаю рукою, и рука моя весь есть Христос, ибо Божественное Божество нераздельно. Не скажи, что я богохульствую, но прими это и поклонись Христу, таковым тебя содевающему. Ибо если и ты пожелаешь, то сделаешься членом Его. Члены Христовы суть и скрытые члены, ибо они бывают покрываемы, как незримые для всех, сокрытые члены Сокровенного, от Которого в божественном сочетании даётся и семя Божественное, ужасно вообразившееся в Божественный образ, даётся от Самого Божества, ибо от всего Божества весь Бог тот, Кто соединяется с нами, - о страшное таинство! - и поистине бывает брак, неизреченный и Божественный... Итак, если ты облечся во всего Христа всею своею плотию, то ты без стыда будешь помышлять о всем том, о чем говорю я».

Как эти рассуждения святых отцов аскетов, монахов - недостижимо высоки, чисты, величественны и отстоят далеко от пресмыкающихся по земле интеллигентских рассуждений по «половому вопросу». Как всё у последних грубо, убого, пошло, затасканно, замусоленно, цинично. А еще упрекают монахов в извращении светлых идеалов Христовых, Его радостного учения! Обвиняют в ненависти к плоти, в бегстве от природы! Да что может быть извращеннее интеллигентского миропонимания и отношения к природе?

Обвиняют ещё святых отцов-аскетов в том, что их труды переполнены описаниями блудной страсти, что похоть, которая их мучила неестественно целую жизнь, придает-де их творениям совершенно психопатологический характер. На это нужно сказать следующее. Говорящие так совершенно не понимают, ни что такое подвиг и борьба с диаволом, ни что такое монашество, ни что значит целомудрие. Целомудрие святых и истинных монахов может в глазах мирских людей показаться крайним развратом, но оно, несомненно, выше всякого плотского мудрования, и человеческой природы, и всего мира. Люди, достигшие бесстрастия, - а таковы все святые монахи, взявшие с благословения Божьего на себя труд писать об этих вещах, - если пишут, то, понятно, не для собственного удовольствия. Даже светские писатели, отводя этот упрек от себя, говорят, что они пишут для того, чтобы предостеречь общество от заразы. Святые не стыдятся говорить, что в своё время были одержимы блудной страстью. Их заслуга в том, что они её победили. Этой борьбой с демоном блуда и победой над ним достойно и похвалиться. Святые хотят показать нам, что может сделать человек при помощи благодати Божией, и тем самым хотят спасти от отчаяния маломощных, желающих спастись и пребыть в целомудрии, небрачными, но терпящих насилие от плоти и диавола.

Еще несколько слов по поводу современной жизни. Наш век весьма изогнулся. Всем можно писать по половому вопросу. Даже женщины решили не отставать. И лишь пастырь церковный - которому, собственно, одному только и дело-то до этого - молчит. Но что всего страннее, даже и это молчание кажется людям недостаточно молчаливым. Хотя пастыри и молчат, «урезав» и подчистив откровенные места в творениях самых славных и знаменитых святых отцов и учителей Церкви, прицепив кое-где «фиговые листочки», - тем не менее, пусть вполголоса, но древние подвижники всё еще говорят. Вот сколь велики их сила, влияние и значение! Демоны это знают хорошо. Но закончу на этом. Сколько ни написать, всё мало будет, а благоразумный человек с двух слов тебя поймет, даждь премудрому вину, сказано в Писании, и премудрейший будет (Притч. 9,9).

Интересно...

Сербские министры обороны и религиозных вопросов на днях ознакомили членов Межрелигиозного совета Сербии и глав традиционных церквей и сербских религиозных объединений с проектом указа о введении военного духовенства в армии, которое может появиться уже летом этого года. Согласно проекту, в Сербской армии будут представлены священнослужители только традиционных для Сербии Церквей и религиозных объединений, а армейские священнослужители будут служить в офицерском чине при освобождении от обязанности носить оружие. Имеющие необходимую подготовку и полномочия священнослужители будут приниматься на службу в военное духовенство по рекомендации традиционных церквей и религиозных объединений и по результатам собеседования в Генеральном штабе Сербской армии.



Служитель

Диакон (греч. δίακονος - служитель) - первая степень священнослужителя в Церкви, следующая перед пресвитером и епископом. Диакон есть первая ступень в священной иерархии (священноначалии).

Диакон имеет благодать непосредственно участвовать в совершении священником или архиереем таинств, но не может совершать их самостоятельно. Во время богослужения диакон приготовливает священные сосуды, возглашает ектении и т.п. Поставление в диаконы совершается архиереем через рукоположение.

По постановлению древней вселенской Церкви, обязанностью диаконов при богослужении было наблюдать за его порядком и благочинством, заведовать церковной утварью, готовить все необходимое для священнодействий, помогать епископам и пресвитерам совершать некоторые богослужебные действия, главным образом - побуждением присутствующих к молитве (ектении) и чтением Слова Божия. Вне богослужения диаконы раздавали из церковных средств вспомоществования бедным, надзирали за низшими клириками, помогали при управлении паствой и назидании её, исполняли разные другие поручения, были ближайшими служителями епископа или пресвитера.

Чин диакона - апостольского происхождения. В него производят через хиротонию (рукоположение, таинство священства). Канонический возраст диаконской степени - не ниже 25-летнего. Неженатый диакон уже не имеет право вступить в брак после посвящения. Степень диакона - предварительная степень для пресвитерского служения. Диаконский чин имеет следующие правительственные степени - протодиакон и архидиакон (старший иеродиакон).

История установления чина. Звание диакона в христианской Церкви установлено апостолами, которые для служения трапезе в Иерусалимской общине предложили избрать семь человек "изведанных, исполненных Святого Духа и мудрости". Избранных поставили пред апостолами, и те, "помолившись, возложили на них руки" (Деян. 6, 1-6). Таким образом - через избрание, поставление пред апостолами, молитву и рукоположение от святых апостолов - были хиротонисуемы первые диаконы.

Со времен святых апостолов священнослужение диаконское непрерывно сохраняется в Православной Церкви. Согласно обычаям древней Церкви рукоположение во диакона совершается после предварительного испытания хиротонисуемого, очищения грехов молитвою, постом и покаянием, при условии однократного вступления его в христианский брак.

Диаконское служение часто понимается суженно. Диаконство часто ограничивают одной лишь красотой голоса, придающего службе особенно торжественный характер, или рассматривают как промежуточное состояние перед поставлением в иереи. В противоположность этому узкому пониманию диаконства, говоря о диаконском служении, можно задать ряд направлений, каждое из которых представляет собой поприще длиною в жизнь, поприще, которое можно со всем основанием назвать путем духовного восхождения.

В первую очередь нужно сказать об исторически сложившемся представлении о диаконстве. Первые диаконы были поставлены для того, чтобы быть выражением милосердной любви Церкви. Действительно, в древней Церкви диакон был помощником епископа в деле церковной благотворительности. А сейчас диакон чаще всего - помощник священника за богослужением. В чисто административном плане задачи современных диаконов совсем иные. Однако, если древняя Церковь для диаконства избирала «мужей молитвы, чтобы сделать их орудием любви среди тех, кто беден, кого коснулось несчастье, кого сразило горе», то и современные диаконы по характеру своих обязанностей призваны к служению любви. Через них проходят горы записок о здравии и упокоении. Порой в этих записках помимо имён встречаются два-три слова с криком о помощи: «завтра операция...», «пьющий...» и т.п.

На богослужении диакон становится защитником молитвы священника ... Все заботы о службе, даже само ведение службы, возлагаются на диакона, чтобы священник мог без остатка отдаться молитве. Ученик преподобного Силуана Афонского схиархимандрит Софроний (Сахаров), будучи иеродиаконом, писал священнику Давиду Бальфуру: «Я счел бы великою радостью и милостью Божиею послужить Вам при совершении Литургии, особенно в тот момент, когда диакон говорит: «Благослови, Владыко, Святый Хлеб» и иерей: «И сотвори убо Хлеб сей в честное Тело Христа Твоего» ... В этот момент огненная благодать сходит и касается сердца, а иногда с великою силою обновляет всего человека».

Диакон становится руководителем молитвы верующих. Митрополит Антоний Сурожский писал: «Он ... даёт тему молитвы. Вводит ... в литургическую тайну, влечёт в её глубины - те глубины, которых вы (миряне) не могли бы достигнуть сами в своей духовной жизни». Двойное служение по отношению к священнику и по отношению к народу - вот это особое, промежуточное, между священником и народом, состояние





диакона, митрополит Антоний называет «мирянин в священном сане». Диакон на своем месте между священником и народом постоянно совершает движение между алтарем и храмом. Алтарь представляет собой уже завершённое Царство Божие, а храм - это место становления Царства Божия. Народ в храме несёт молитву священника на своей молитве ... С другой стороны, диакон посылается из алтаря руководить молитвой Церкви, то есть народа, потому что сам принадлежит этому народу; его послали из Алтаря, из самой сердцевины Царства Божия указывать людям, какими словами надо молиться, чтобы эта молитва совпадала с молитвой Христа Спасителя.

В своих многочисленных движениях из алтаря в храм и из храма в алтарь, диакон проявляется как связующее звено между священником и мирянами, связующим звеном в народе Божиим, потому что народ Божий один. И задача у него одна - освящать мир. Диакону просто указывать, какими словами молиться, но гораздо сложнее так произносить молитвы святых, чтобы мы могли влиться в молитвы тех, которые поистине жили согласно Евангелию. Гораздо сложнее призывать всю собранную общину отождествиться с этими молитвами. Ведь призвать на молитву означает и вдохновить на молитву. Вдохновить на молитву может не сила и тембр голоса, но только живая личная молитва возвышенными словами святых мужей древности.

Ещё одна задача диакона в провозглашении Евангелия. В диаконстве человеку «дарована трепетно-страшная благодать» провозглашать самые слова Христовы; не возглашать о Нём, но стоять и говорить нам: «Вот что говорит нам Бог!». Чтение Евангелия вслух обязывает не только диакона, но и прихожан жить по Евангелию.

Служению диакона много требует от диакона, но и много может ему дать, потому что во Христе диаконство - это не только результат усилий человека, но это и благодать Бога. Без Божией благодати настоящее диаконство немыслимо...

Я хуле Всех.

«Я ничтожество. У меня никогда ничего не получится. Неудивительно, что никто меня не любит». Люди, думающие так, встречаются нередко. Психологи называют их людьми с заниженной самооценкой. Но если разобраться, может, именно так мы, христиане, и должны думать о себе? Разве не в этом противоположность самодовольного фарисея и недовольного собой мытаря? Не выражение ли это смирения?



По признанию священников, среди прихожан действительно сплошь и рядом встречаются люди с заниженной самооценкой. Они всегда сомневаются в себе, любят просить благословения на самый незначительный шаг и очень, очень заняты своим несовершенством. Когда от них требуется помощь, первая их реакция - испуг. Священник просит прихожанку, умеющую читать по церковнославянски: «Помоги клиросу, почитай сегодня!» - «Нет, что вы! Я ужасно, ужасно читаю! Я не смогу! Я не дерзаю, батюшка!» И хотя такое поведение и выглядит как смирение, но имеет ли оно в действительности какое-то отношение к духовной жизни?

Такое обесценивание себя часто является не смирением, а болезненным психологическим состоянием. Выражается оно в отказе от волевого действия - из-за страха быть несостоятельным, выглядеть глупо в глазах других, оказаться неуклюжим, неумным, неумелым. И человек делает всё для того, чтобы избежать ситуации возможного неуспеха. Защищаясь от этого страха, он снимает с себя ответственность: «Я слабый, необученный, у меня не получится». Но это всё - перед людьми. Когда никто не видит - пришел домой, двери позакрывал - всё, никакой заниженной самооценки!

Чем же смирение отличается от заниженной самооценки? Человек с заниженной самооценкой слишком поглощен мыслями о себе, всегда занят собой. А смиренный человек занят просто делом. Смиренный человек принимает своё несовершенство с упованием на Божию помощь, человек с заниженной самооценкой болезненно его переживает, думает о том, как он не соответствует каким-то ожиданиям других, нередко завидует тем, у кого что-то получается лучше. Человек смиренный внутренне стоит перед Богом, человек с заниженной самооценкой - перед людьми.

Переживание своей никчёмности - обратная сторона убеждения: должно быть так, как я хочу. А если так и только так не получается - значит, я ни на что не гожусь. Чаще всего мы сталкиваемся с чем?

“Как бы я хотел быть замечательным ученым, но у меня что-то голова плохо устроена”. “Как я хотел бы выступать на Олимпиаде! Но куда мне!..”. С духовной точки зрения это та же самая гордыня, только вывернутая наизнанку: “Я такой человек, что у меня должно это быть, но у меня этого нет”. И мысль “а вдруг все заметят, что я не очень умный” тоже, безусловно, от гордыни.

У таких людей нередко нездоровое отношение не только к себе, но и к другим. Если человек смиренный склонен прощать другим, он неагрессивен, то для человека с заниженной самооценкой, если он встречает кого-то, кто, по его мнению, ещё хуже, чем он, это оборачивается агрессивным выплеском. И тогда ложное смирение слетает: “Ага, в храм в штанах пришла! Фифа! И свечку не туда поставила!!!”»

Человек, якобы смиренный, и смиренный по-настоящему, совершенно по-разному будут реагировать на столкновение со злом. Если начальник - жулик и негодяй, обманывает и оскорбляет подчинённых, то по-настоящему смиренный человек заступится за других, а человек с заниженной самооценкой никогда не вступит в схватку. Правда, если он ходит в церковь, он свой страх прикроет смиренностью: “Не судите - да не судимы будете”. Но разве это смирение - проходить мимо зла?

Чаще всего плохое отношение к себе тянется из детства. Так случается с детьми, растущими без родителей или с детьми из неблагополучной семьи, где родителям нет до них дела. По мнению психологов, сильно понижает самооценку уход из семьи отца, потому что ребёнок уверен: если бы он, ребёнок, был достаточно хорош, папа не ушел бы.

Однако такой человек может вырасти и во вполне благополучной семье, рядом с любящими, в общем, родителями, которые, правда, забывали его хвалить, не забывая критиковать. Маленький ребёнок лепит себя и свою самооценку по реакциям родителей. Люди с заниженной самооценкой - это люди, родители которых считали, что хвалить - в принципе неправильно. Или же родители, увлекаясь исправлением детского поведения (которое почти всегда проблемно), ругали не само поведение, а ребёнка: не ты плохо сделал - а ты плохой.

Боясь хвалить ребенка, родители иногда думают, что таким образом препятствуют развитию у него гордости и способствуют воспитанию смирения. Но нередко это приводит к обратным результатам: ребёнок, не видя положительной оценки своих действий, внутренне не может с этим согласиться, и часто это выливается в уродливую, например, демонстративную или наоборот, патологически застенчивую форму поведения, в постоянное сравнение себя с другими.

Сильно понижает самооценку ребенка и его сравнение с более одарёнными, послушными, трудолюбивыми и т. д. сверстниками. Все люди рождаются с разными способностями. Сравнение с другими всегда порождает ощущение, что ты неправильный. Сравнить ребенка можно только с ним самим - сегодняшнего со вчерашним. Ребёнок не должен сомневаться в том, что с ним всё в порядке, что он лучший для своих родителей. Потом, когда ребёнок пойдет в школу, где для учительницы он будет не самый лучший, где нужно будет налаживать контакты с одноклассниками, успевать по всем предметам, самооценка скорректируется, ребёнок сам увидит, на что способен. А его изначально завышенная самооценка сыграет роль защитного скафандра, предохраняющего от резкого падения мнения о своих способностях. Такому ребёнку будет легче учиться.

Входя в подростковый возраст, ребёнок с заниженной самооценкой может стать либо забитым, либо агрессивным - «трудным». Именно такие дети попадают в плохие компании. Им подходит любое общество, где они приняты. Они думают, что недостаточно хороши, чтобы выбирать, и если выбрали их - нужно соглашаться. И помочь им уже гораздо труднее, чем малышу-дошкольнику.

Что же делать взрослым, поглощённым мыслями о своей ущербности и ничтожестве? Если человек уйдет от психологических переживаний в пространство духовной жизни, проблема потеряет свою остроту. Перед Богом нет понятий “я хорош” или “я плох”. Есть только наше достоинство перед Ним. А все различия, за которые мы держимся в миру - учёный ты или неучёный, глупый или умный, - здесь неважны. Здесь не может быть “адекватной самооценки”, это величайшая гордыня - раздавать оценки себе и другим, выстраивая всех по ранжиру. Последнюю правду о нас и других знает только Бог!

Но разве христианину не нужно считать себя ничтожеством, которое хуже всех? В святоотеческой литературе встречаются описания, когда святые говорили о себе: “Все спасутся, один я по своим грехам погибну”. Но тут нет сравнения себя просто с другими людьми, здесь не “я хуже”, а “я грешен, воля моя всё делает не так, как хочет от меня Господь, и поэтому я не спасусь”. Считать себя ничтожеством нельзя. Потому что мы образ Божий, как мы можем образ Божий считать ничтожеством? Другое дело, что мы должны видеть в себе то зло, с которым стоило бы побороться, и молить Бога о силах на эту борьбу. И мытарь, когда молился, говорил именно о том, что он грешен, и просил Бога о милости. Фарисей же, благодаря, исполнился гордыней, потому что начал себя сравнивать с другими.

Вспомним слова апостола Павла: «Для меня очень мало значит, как судите обо мне Вы, или как судят другие люди ... судия же мне Господь» (1-е Коринф. 4,3). Это и есть образец здорового христианского отношения к себе - а совсем не помешательство на мысли о том, что нет в нас ничего хорошего «по сравнению с другими».

Дима шёл по улице, крепко держась за руку мамы. Был солнечный, морозный день. Деревья словно в сказке - пушистые, невесомые! Снежок поскрипывал под ногами. Правда, мороз слегка пощипывал за нос и щёки, но Диме было уютно и тепло в меховой курточке и сапожках. Алая полоса на куртке и тёмный шарфик придавали ему вид снегиря. К тому же и шёл он, подпрыгивая от радости. Диме было весело - то ли оттого, что было воскресенье, а уроки он сделал ещё вчера, то ли оттого, что папа подарил ему новую игрушку.

В общем, настроение у него было прекраснейшее. Мама на минуту остановилась. Дима невольно залюбовался молодой серебряной берёзкой на голубом фоне, а когда оторвал от неё взгляд, то словно окунулся в лето. Перед ним светились красные, оранжевые, жёлтые пятна - лотки с фруктами. Краснощёкие тётки развешивали эти маленькие кусочки лета в шелестящие и звенящие от мороза пакеты.

Красные яблоки, словно натёртые воском, ароматные апельсины и мандарины, коварный лимон! У Димы даже слюнки потекли. Мама, словно прочитав его мысли, уверенно направилась к лотку. Через несколько минут мальчик уже радостно наблюдал, как фрукты перемещаются из ящичков в шелестящий пакетик. Он уже представлял, как дома сделает из апельсина цветок, как красиво будут смотреться яблоки в вазочке на столе.

Внезапно Димины грёзы нарушил старческий голос. Какая-то старушка, задев его, протянула руку к продавщице и попросила:

- Милая, дай мне, пожалуйста, яблочко. Я очень хочу есть. Я ещё ничего не ела сегодня, и мне кажется, что я вот-вот упаду. Плохо мне...

Дима не слышал, что ответила тётя. Он не отрываясь смотрел на старушку, на иссохшую, дрожащую руку, на старенькое поношенное пальто, на то, что даже в его детском понятии нельзя было назвать обувью. Голова старушки была повязана серым платком, из-под которого выглядывал ещё один, белый.

Невольно Дима вспомнил свою бабу Настю. Она тоже всегда зимой носила два платка. Он представил её добрые, лучистые глаза, тепло её рук, жарко натопленную печку, угощавшую их пышными блинами.

По щеке старушки пробежала слеза и затерялась в морщинах, густо изрезавших её лицо. На мгновение Диме показалось, что это бабу Настя, продрогшая, в лохмотьях, голодная и одинокая. Мальчик ещё смотрел на старушку, которая решила попытать счастья у другого продавца, а рука его уже потянулась к пакету и нащупывала там яблоко, апельсины. Ага, вот, кажется, лимон, или нет мандарин. Дима вытянул всё, сколько поместилось в его детских ручонках, и протянул ей. Их глаза встретились. Он почти прошептал:

- Вот, возьмите, пожалуйста!

Слёзы заблестели в его глазах. Мальчик бросился к матери, прижался к ней, затем потянул за руку:

- Пойдём скорее!

Отойдя немного, мальчик обернулся. Старушка всё ещё стояла на том же месте. Она спрятала фрукты в карман, в руке её осталось только красное пузатое яблоко. Дима видел, как она перекрестилась и чему-то улыбнулась. Мальчик вздохнул и медленно пошёл с мамой.

Он теперь знал, что рядом живут люди, которые нуждаются не только в солнечном свете, но и в тепле ближних. И как всё-таки здорово, что он, Дима, может им хоть чем-то помочь...



Дорогие прихожане! Редакция "Нашего храма" с нетерпением ждёт Ваших отзывов, писем, статей и фотографий. Приносите их, пожалуйста, в иконную лавку или присылайте на наш Интернет-адрес, указанный ниже. Просим бережно относиться к газете. На ее страницах публикуются репродукции икон, священные имена, цитаты из Священного Писания. Не используйте ее в неподобающих целях! Если она стала вам не нужна - подарите ее другим людям.

Газета "Наш храм": духовный попечитель - иерей Дмитрий Лукашевич;
главный редактор и ответственный за выпуск - диакон Алексей Титов.

Компьютерный набор и верстка на настольно-издательском комплексе редакции.

Адрес редакции: 224025 г.Брест, ул.Белорусская, 45;

E-mail: dubrovka.orthodox@gmail.com

Сайт храма в Интернете: www.radost-brest.com

Тираж номера - 40 экземпляров.